

Рыбу ловимъ для продажи, птицъ стрѣляемъ, звѣря бьемъ. На вывозкѣ и сплавѣ бревенъ наживаемъ...

Въ Финляндію годъ отъ году ходитъ народу меньше.

— Дома работы есть...

Почва въ Регозерѣ, какъ и по всей Кареліи, каменистая. Я осматривалъ небольшой клочекъ земли. На 28 кв. саженьхъ 30 большихъ камней, мелкихъ больше сотни... Камни карелы выворачиваютъ носредствомъ ломовъ и отвозятъ въ сторону на саняхъ. Впослѣдствіи изъ камней образуется изгородь.

Въ Регозерѣ, въ сѣняхъ у одного мужичка, если не ошибаюсь, у Ф. Васильева есть интересный памятникъ старины—большой восьмиконечный деревянный крестъ съ выпуклымъ рѣзнымъ изображеніемъ І. Христа. На крестѣ такая надпись: „Царь Славы, Сынъ Божій. Кресту Твоему поклоняемся, Владыко и т. д.“

Старовѣры собираются въ нраздникъ около креста, кадятъ ему (крынкой, въ которую кладутъ нѣсколько углей, ладону и соли), молятся. Забудьте, читатель, все это происходитъ въ маленькихъ грязныхъ сѣняхъ!

— Откуда у васъ крестъ?

— Мнѣ достался по раздѣлу отъ брата, братъ получилъ отъ отца, отецъ отъ дѣдушки, а дѣдушка не знай отъ кого...

Слѣдующая за Регозеромъ на пути къ Керети по Олангскому тракту деревня—Логоварака.

Логоварака болѣе тяготеетъ къ Керетской Кареліи. Объ этомъ въ особой главѣ.

М. И. Бубновскій.

(Продолженіе будетъ).

К. Ѳ. Жаковъ какъ личность.

Пишу К. Ѳ. Жакова съ натуры преимущественно и по впечатлѣніямъ отъ его книгъ въ частности.

Люби звѣзды, уважай Бога народа, ищи истину, такъ говоритъ Гарамортъ, а между строкъ заставляетъ читать: будь искрененъ, сознайся въ слабостяхъ, чтобъ силу ощутить. Къ сожалѣнію, мы узнаемъ людей по тому, какъ они говорятъ, но не по тому, какъ они живутъ. Профессоръ Жаковъ какимъ-то чудомъ совмѣстилъ слово и жизнь. Онъ выявилъ себя въ своей литературѣ и продолжаетъ выявлять на кафедрѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Жаковъ—личность во всей натурѣ. Если бы онъ былъ только профессоръ, онъ умеръ бы прежде, чѣмъ родился. Взгляните на его жизнь. Она—сплошная связь съ людьми и сплошная проповѣдь къ нимъ любить правду, любить Бога неисчерпаемаго, любить человѣка—прекраснѣйшее изъ твореній Его. Всегда и всюду вызываетъ къ униженнымъ, изнуреннымъ работой, забытымъ нуждой. Онъ часто повторяетъ: „Взгляните на рабочаго, сидящаго на мокрыхъ камняхъ мостовой. Что онъ долженъ подумать, взглянувъ на мимо проходящихъ студентовъ съ портфелями и проѣзжающихъ въ экипажахъ важныхъ госнодъ?—Онъ скажетъ: „Должна быть правда! и если ея нѣтъ

на землѣ, то она есть на небѣ“. И потому, господа, обращается онъ къ студентамъ, не отнимайте у него Бога—безъ вѣры онъ придетъ въ глубокое отчаяніе, и жизнь потеряетъ тогда для него всякій смыслъ. Такихъ людей забыть весь міръ и Богъ, на котораго онъ надѣется, и люди, которымъ онъ строить дворцы. Огнемъ сгораетъ сердце Гараморта, душа пылаетъ гнѣвомъ, искрометный умъ не знаетъ покоя и всѣмъ существомъ сливается онъ съ душой этого каменщика и слышитъ, и чувствуетъ стонъ его, и задыхается среди земли, задавленный этими стопами горя людского. Вотъ первая причина страданія профессора и первая слезы. Но не отъ слабости плачетъ Гарамортъ, а надламывается отъ собственной мощи—она въ тискахъ, нѣтъ ей простора, негдѣ размахнуться. „Трудно жить и тѣсно жить въ узкомъ горлышкѣ бутылки человѣку, широкому въ плечахъ“ (Подъ шумъ сѣвернаго вѣтра). Плачетъ Гарамортъ и оттого, что нѣтъ справедливости въ городѣ, простоты въ деревнѣ, а все это смѣнилось кумовствомъ, интригой. Усовершенствуется техника, а радость не увеличивается, заботъ много, а счастье, какъ тѣнь, убѣгаетъ. Любовь къ природѣ и простотѣ вытѣснена наживой, городской суетой. Умираетъ первобытный человѣкъ. Развращенный городской культурой, онъ становится грубымъ дворникомъ, лѣстивымъ лакеемъ, лѣнивымъ хитрецомъ. (Сквозь строй жизни 3-я ч.). Но вотъ иной мотивъ его грусти. Это раздвоенность въ себѣ и въ самой природѣ. Она и смѣется, и плачетъ; умираетъ и рождается въ одно и то же время. Небо равнодушно, когда грудь земная колыхнется отъ страданій. И когда самъ сказочникъ углубляется въ нѣдра жизни своей, онъ тоже находитъ противорѣчіе: „О какъ я старъ, о какъ я молодъ, какъ я мудръ и какъ безуменъ я! Смѣюсь и плачу, радуюсь и скорблю. Горе и пѣсня могучая. Люблю и ненавижу“. И дальше: „Нѣтъ, я на людей не сержусь, я люблю міръ и все живущее въ немъ“. Да, такъ и есть. Онъ груститъ и вмѣстѣ съ добрымъ молодецкомъ о дѣвицѣ-красной и въ печальныхъ пѣсняхъ плачетъ неизвестно о чемъ. И тутъ, вотъ, теряешься угадать, гдѣ начинается сказка, и гдѣ кончается быль. Все быль и сказка—жизнь! Бездна вопросовъ, какъ звѣздъ на небѣ яркихъ и глубокихъ беспокоятъ мятежную дунцу Гараморта. И многіе ли понижаютъ его иногда брилліантомъ горящія мысли? Тутъ опять зарождается новая трагедія. Кругомъ одинъ. Никто не понимаетъ сущности добытой имъ всей тяжелой жизнью. Не понимаютъ мыслей, которыя онъ лепечетъ, какъ мать дитя у своей груди. Ихъ не понимаютъ ни люди, ни друзья, которые, пожалуй, посмѣются. Не даромъ онъ читаетъ самыя сильныя молитвы, когда чувствуетъ одиночество во вселенной, одиночество въ кругу друзей. „Я кричу, говоритъ онъ,—кричу въ пустынѣ, и эхо раздается мое отъ большихъ горъ, но голоса человѣка не слышу я“. У змѣи есть другъ, у паука подруга, а онъ, непробудный бродяга, одинъ во всемъ мірѣ, а между тѣмъ такъ громадна его любовь къ людямъ. Назарьевы и Нешатаевы его избранные друзья, и когда онъ слушаетъ объ ихъ единственномъ лучѣ, упавшемъ съ неба,—чай его смѣшивается съ горькой слезой. И такъ на протяженіи всей жизни онъ является какъ бы застрявшимъ въ узкую глубокую щель и рвется и кричитъ, но бездна подъ ногами, а наверху только далекая яркая звѣздочка. „Во мнѣ сидитъ“, какъ онъ выразился однажды—„человѣкъ прошлыхъ вѣковъ, кое-что имѣя будущаго.—Въ прошедшемъ—у меня сказки, въ будущемъ—моя философія“. А въ настоящемъ онъ только крѣпко держится за небесную скобку, идя сквозь строй жизни.

Онъ вѣрнѣе въ ту единственную звѣзду, которая проникаетъ въ его узкую темную щель. Жакъ удивительный страстотерпецъ. Мало того, что онъ пережилъ изображенное въ литературѣ, онъ подвергается второму испытанію, когда передаетъ свои переживанія суду, будучи лично подсудимымъ. О какъ трудно должно быть это, какъ больно было ему, когда мы забывали, что онъ человѣкъ и копались въ его ранахъ съ видомъ знахарей. Иногда еще свѣжую рану обдавали ѣдкимъ плевкомъ. Но быть уязвленнымъ и выслушивать до конца, быть раненымъ и не уходить и разбитымъ, и больнымъ уйти только послѣ битвы, чтобы переболѣть, оздоровѣть заново, чтобы снова и снова служить людямъ сказавъ: „Правда важнѣй литературы“. Удивительная стойкость въ правдѣ и еще удивительнѣе его откровенность. Кто можетъ рассказать о себѣ съ такой искренностью, не утаивъ самаго тайнаго, не скрывая наивнаго и не щадя самолюбія гордаго? И какъ часто бываетъ, мы считаемъ искренность за странность, и если человѣкъ расскажетъ то, что онъ чувствуетъ, сознается въ томъ, чего не знаетъ, раскроетъ то, что мы скрываемъ даже отъ себя, намъ становится какъ то неловко, и насъ стыдитъ не ложь, а эта истина. И въ концѣ-концовъ намъ становится не интереснымъ это лицо, и мы не только прислушаться, даже слушать, не только изучать, даже уважать перестаемъ. Почему такъ? Не потому ли, что мы привыкли слушать тѣхъ, кто мало говоритъ, смотрѣть на тѣхъ, кого рѣдко видимъ, кланяться тому, кто насъ не замѣчаетъ. Но профессоръ не таковъ. Не удивляйтесь, что порою онъ радуется, какъ ребенокъ, плачетъ, какъ дитя. Это не оттого, что онъ наивенъ, а оттого, что просто и вовсе не умѣетъ прикидываться холоднымъ ученымъ или путешественникомъ „съ научной цѣлью“. Наоборотъ, мы услышимъ отъ него слѣдующія восклицанія: „Мы дивились диву!“ или: „Кузьмичъ, во снѣ мы или на яву!“ Или вродѣ того: „Боже мой, городъ Токио вижу я!“ Можетъ быть это слабость, но не есть ли въ то же время и сила? Мало ли того, чему мы удивляемся, да не говоримъ, сохраняя достоинство... Но не всегда Гарамортъ наивенъ. Какимъ глубокимъ и вдумчивымъ мы видимъ его, когда онъ призываетъ къ небу. Тутъ онъ не только вдохновененъ, но и мудръ, и выкованная стальная грудь кажется богатырской. Гдѣ научился онъ мудрости великой: постигать истину—сводъ небесный? Только жизнь его отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Мы вѣримъ, что онъ расскажетъ намъ еще много чудныхъ сказокъ, гдѣ „Нешатаевы“ найдутъ не въ петлѣ свои отвѣты, но въ томъ великомъ сліяніи своего духа съ народнымъ, къ которому онъ неуклонно толкаетъ и о которомъ не устаетъ твердить.

Слушательница психо-неврологическаго института М. П. Топорова.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 11 декабря. Доложенъ и заслушанъ финансовый отчетъ Общества за 1914 годъ, съ 1 января по 1 декабря. Приходъ О-ва къ 1 декабря выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Предполож. по смѣтѣ.	Поступи- ло.
Членскіе взносы	450 р.	459 р. — к.
Подписка на „Извѣстія“ на 1914 г.	2200 „	1719 „ 84 „